

Гу Сяодун продержался еще две недели, и каждый день казался ему бесконечной пыткой. Половину суток он тратил на изнурительное закаливание тела. И ладно бы дело ограничивалось вытяжением костей да растяжкой сухожилий — следом шла суровая чистка кожи. Его тело буквально драли всеми мыслимыми способами, пока наконец не сошли грубые мозоли на ладонях. Прежде жесткие и шершавые, его руки стали мягкими и гладкими, а кожа по всему телу побелела и сделалась нежной, будто у младенца.

Расплатой за эту красоту стали вечно опухшие от слез глаза. От бесконечного плача даже детская припухлость на его щеках заметно спала.

Чтобы обучить юношу благородной осанке и манерам, управляющий Чжу Ми принес поясную подвеску смирения. Этот поясной аксессуар обычно носили благородные девицы. Сплетенное из драгоценных камней и нефрита украшение служило для того, чтобы сдерживать порывистые движения и контролировать каждый шаг. При правильной, неторопливой ходьбе подвеска плавно покачивалась на бедре, издавая размеренный, приятный уху перезвон. Но стоило ускорить шаг, засуетиться или нарушить приличия, как нефритовые звенья начинали испуганно и беспорядочно трезвонить.

Когда Гу Сяодуну впервые повязали поясную подвеску смирения на пояс, он еще находил этот нежный перезвон забавным, однако быстро понял, какими оковами оборачивается эта изящная вещица, и улыбка сошла с его лица.

Сначала подвеску, как и полагается, закрепили на поясе. Спустя пару дней особые, переделанные поясные подвески смирения стянули его запястья. На третий день крошечные подвески уже покачивались под его пучком волос на затылке. От стоп до кистей рук, от плеч до шеи — каждое шевеление теперь должно было стать образцом сдержанности. Самое паршивое заключалось в том, что если подвески звенели невпопад, наказывали не самого Гу Сяодуна, а Чжан Дэнцина.

Это было во сто крат мучительнее любых побоев. Слабый протест Сяодуна, подобно крошечной искре, едва успел робко треснуть в воздухе, как его тут же безжалостно растоптали в прах.

Прошло всего четыре или пять дней, и сон его окончательно разладился. По ночам, в зыбком полузабытии, ему чудился тревожный, яростный перезвон нефритовых бусин. Он испуганно просыпался, долго сидел в темноте, пытаясь успокоить колотящееся сердце, и лишь под утро со слезами на глазах засыпал снова.

Лежа без сна в мучительном ожидании рассвета, он невольно возвращался мыслями в прошлое. В те дни, когда кочевал вместе с приемным отцом и названным братом, помогая им торговать. Их маленькая семья вечно ютилась по дешевым постоялым дворам, крестьянским избам или вовсе ночевала в арендованных телегах да кибитках. Сяодун никогда не жаловался на жесткую постель, его не пугали ночные шорохи — стоило закрыть глаза, и он крепко спал до самого утра. Теперь же все изменилось.

Единственным утешением стала новость, которую принес Чжу Ми: в восьмом месяце Сяодуну

позволят присутствовать на праздновании дня рождения его старших сестры и брата. Наконец-то он увидит родных по крови людей, с которыми его так долго разлучали.

Услышав это, Гу Сяодун заметно приободрился.

— Изначально вам не полагалось присутствовать. Князь приказал, чтобы вы не покидали Восточный лесной сад, пока полностью не освоите правила приличия, — Чжу Ми бросил холодный взгляд на выстроившихся слуг. — Однако наследный княжич лично попросил за вас перед княгиней, так что в день торжества вам дозволено отправиться в Западный сад процветания.

У Сяодуна защипало в носу, а на губах заиграла робкая улыбка:

— Брат-наследный княжич такой хороший...

Чжу Ми тут же строго поправил его:

— При посторонних вы обязаны называть его «третьим кузеном». Слово «кузен» опускать нельзя ни в коем случае. То же касается второй молодой госпожи и пятого молодого господина.

Гу Сяодун послушно, едва слышно угукнул, боясь лишний раз пошевелиться, чтобы не потревожить проклятые подвески. Переведя дух, он тихо спросил:

— А Цзиньюй? Как мне звать его?

— Княгиня уже распорядилась на этот счет. Поскольку вы хрупки телом и выглядите совсем юным, на людях вы будете величать его «четвертым кузеном».

Сяодун пообещал все запомнить. Однако вечером, когда они остались наедине, Чжан Дэнцин, сжимая названного брата в объятиях, пришел в такую ярость от этих нелепых условностей, что, пытаясь утешить Сяодуна, сам же первым и разрыдался от бессилия.

На тайную встречу с Гу Пинханем Дэнцин явился с красными, опухшими глазами. Он бессильно сполз по креслу и глухо пробормотал:

— Я не понимаю... Почему все так?

Гу Пинхань, сидевший на почетном месте, смерил его долгим взглядом. В его глазах читалось понимание, смешанное с легким недоумением:

— Разве ему не позволили явиться на пир? Чем ты еще недоволен?

Эти слова задели Чжан Дэнцина за живое:

— Я не понимаю одного: вы все — его настоящая семья, в ваших жилах течет одна кровь! Так почему вы до сих пор обращаетесь с ним как с чужаком?!

Гу Пинхань пристально разглядывал юношу. Сначала он хотел сухо и рассудительно растолковать, насколько важен для клана статус Гу Цзиньюя как «четвертого молодого господина семьи Гу», но после всех ночей, проведенных бок о бок, он невольно смягчил свой тон.

— Кровные узы значат далеко не все, — негромко отозвался наследный княжич. — Ты ведь тоже с самого начала знал, что он тебе не родной брат, но относишься к нему как к родному.

Гнев Чжан Дэнцина мгновенно утих. Он снова ссутулился в кресле и долго молчал, прежде чем горько прошептать:

— Я привез его сюда лишь потому, что верил... верил, будто в этом жестоком мире кровь все-таки не вода. Я могу понять, почему вы не можете объявить о его правах открыто, при всех. Но неужели так трудно подарить ему хоть каплю тепла втайне? Он ведь плоть от плоти князя и княгини! Неужели на свете бывают родители, которым плевать на собственное дитя?

Гу Пинхань промолчал, лишь едва заметно прикрыл глаза. В эту секунду его глухая, ревностная зависть к чистому сердцу Чжан Дэнцина достигла своего предела.

— Ах, если бы только наш отец был жив, — Дэнцин тоскливо уставился на собственные ладони. — Будь он с нами, мы бы и дальше кочевали по дорогам всей семьей. Мы с отцом защитили бы Сяодуна. Он бы знать не знал о своем происхождении, мы бы просто жили своей вольной жизнью в глуши и никогда бы не постучали в ворота вашего великого и неприступного поместья...

Гу Пинханю не хотелось даже думать об этой параллельной реальности, где их пути никогда бы не пересеклись:

— Здесь его ждут богатство и почет, изысканные яства и роскошь. Вам следовало вернуть его в семью еще тогда, в самом начале, когда время не было упущено. Мы бы приняли его как родного, а тебя отблагодарили бы со всем возможным радушием.

Последние слова прозвучали излишне резко и поспешно. Чжан Дэнцин опешил, истолковав их по-своему, и вспыхнул от гнева:

— Ты думаешь, я жалуюсь ради себя?! Тьфу на тебя, великий наследный княжич! Мне плевать,

кем быть в вашем проклятом доме — рабом или почетным гостем! Меня бесит то, насколько вы все до тошноты бездушны и бесчеловечны!

Он закричал, пытаясь за громким голосом скрыть терзающее его чувство вины перед названным братом. Но не успел он договорить, как Гу Пинхань стремительно поднялся с места, шагнул к нему и ладонью зажал ему рот.

Дэнцин вздрогнул и попытался перехватить его руку, но Пинхань, пользуясь превосходством в росте и силе, легко прижал его запястья к креслу. Ладонь у наследного княжича была огромной и пугающе прохладной.

Глаза Гу Пинханя в полумраке казались неживыми, скользящими, словно у ночного хищника. Он тихо прошептал:

— Ночь на дворе. Гнев вредит печени.

Чжан Дэнцин возмущенно замычал, распаляясь еще сильнее, но тут Пинхань склонился к самому его уху и едва слышно выдохнул:

— Прости.

Дэнцин оцепенел. Вся его злость мгновенно испарилась, уступив место глухой тоске. Он затих, понимая, что весь этот клубок лжи и тайн уже не распутать. В этой истории безгрешен был лишь его младший брат, а извиняться перед ним должны были абсолютно все.

Гу Пинхань медленно убрал руку и опустился на соседнее сиденье. Он замер в ожидании, словно послушная кукла, ждущая, когда заведут ее пружину.

Время пролетело незаметно, и наступило третье число восьмого месяца. Гу Сяодун ждал этого дня как манны небесной. Он вскочил ни свет ни заря, послушно отдавшись в руки Чжу Ми и служанок, которые принялись усердно приводить его в порядок. Спустя пару часов мучений его наконец одели. К его величайшему облегчению, на этот раз на него не стали нацеплять удушающий, похожий на колодки комплект поясных подвесок смирения.

Праздновать собирались два дня подряд — отличный предлог для семьи Гу укрепить связи с благородными гостями. Управляющий Чжу Ми собирался сначала отвести мальчика в Западный сад процветания, чтобы тот засвидетельствовал почтение князю и княгине. Предполагалось, что сразу после мимолетной встречи Сяодуна отправят обратно в Восточный лесной сад — запретить и заставить зубрить этикет.

Сам Сяодун об этом коварном плане даже не подозревал. Мальчик просто сгорал от

нетерпения наконец-то увидеть матушку. С трудом вытерпев долгую дорогу из Восточного лесного сада в Западный сад процветания, он со всей искренностью опустился на колени перед Ань Жои. Но едва он успел взволнованно поприветствовать ее, как княгиня ледяным тоном велела Чжу Ми увести его прочь.

Сяодун застыл, ошарашенный. Одетый в нежно-зеленые одежды, он сейчас походил на увядший, беззащитный стебелек травы.

Этот поникший стебелек, едва сдерживая слезы, поплелся к выходу. Но не успел он отойти далеко от главных покоев, как столкнулся с вернувшимся из императорского дворца Гу Цзиньюем — чистым и недосягаемым, словно лотос на вершине заснеженной горы.

Сяодун шмыгнул носом и, послушно следуя наставлениям Чжу Ми, низко поклонился, не смея поднять глаз:

— Приветствую четвертого кузена.

Гу Цзиньюй, заносивший ногу над порогом, на мгновение замер. Спустя пару секунд он подошел ближе и мягко приподнял мальчика за локти, приветливо улыбаясь:

— Доброе утро, Сяодун. Мы дома, не нужно этих церемоний.

В лучах утреннего солнца он заметил, как в огромных глазах мальчика дрожат готовые пролиться слезы. В груди Гу Цзиньюя что-то странно дрогнуло, пробуждая непривычное, щемящее чувство.

Сяодун осторожно высвободил руки и негромко, шмыгая носом, пробормотал:

— Доброе утро. Ты вернулся?

— Да, в императорском дворе мне дали двухдневное увольнение, так что я выехал на рассвете, чтобы поспешить домой. Ты приходил навестить матушку?

Мальчик постарался сморгнуть слезы и попытался выдать улыбку:

— Да... Я уже поприветствовал ее. Теперь возвращаюсь в Восточный лесной сад.

— Подожди меня здесь, — мягко попросил Гу Цзиньюй.

Сяодун растерялся, но послушно кивнул:

— Хорошо... ладно.

Лишь когда фигура кузена скрылась за тяжелыми портьерами, мальчик пришел в себя. Он часто-часто замигал, прогоняя подступившие слезы, и тихонько дернул Чжу Ми за рукав:

— Эй, Железный Привратник, почему ты не предупредил, что он возвращается? И зачем он велел мне ждать?

Чжу Ми остался бесстрастен, словно высеченный из камня страж:

— Молодой господин, просто делайте то, что вам велено.

Сяодуну ничего не оставалось, кроме как стоять на месте. Вскоре занавес распахнулся, и Гу Цзиньюй торопливым шагом вернулся к нему. Он склонился ближе и заговорщически прошептал:

— Сяодун, я поговорил с матушкой. Раз уж у брата с сестрой праздник, тебе тоже дозволено остаться в Западном саду процветания на эти два дня. Вернешься к занятиям только послезавтра.

На Сяодуна словно пролился благодатный дождь среди засухи. Не помня себя от радости, он схватил Гу Цзиньюя за рукав и уставился на него сияющими, полными надежды глазами:

— Правда?! Это правда?!

Цзиньюй едва сдержал инстинктивное желание отдернуть руку, но вовремя совладал с собой. Глядя в это восторженное лицо, он тихо проговорил:

— Разве я стал бы тебе лгать?

Тоска Сяодуна мгновенно рассеялась, уступив место безумному восторгу. От радости он даже начал заикаться:

— Отлично, просто замечательно! А... а где же я-я-я буду спать эти два дня?

Гу Цзиньюй невольно улыбнулся. В эту секунду младший кузен казался ему на редкость глупым, но невероятно трогательным щенком.

— У меня.

—... А?

<http://bllate.org/book/20609/2123032>